

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-529-535

БЕЛЯЕВ Илья Романович,
аспирант кафедры правового регулирования
экономической деятельности Юридического факультета
Федерального государственного образовательного
бюджетного учреждения высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: 259122@edu.fa.ru

ИНОСТРАННЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ИСПОЛНЕНИЮ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются препятствия к признанию и приведению в исполнение решений по инвестиционным спорам с участием российских лиц, созданные ограничительными мерами Европейского союза, прежде всего пунктами 2a и 2b статьи 11, статьями 11e и 11f Регламента ЕС № 833/2014. Прослеживается распределение санкционного воздействия по стадиям инвестиционного спора: согласия на арбитраж, арбитражного разбирательства и исполнения решения. Обосновывается, что согласие государства на арбитраж, выраженное в двустороннем инвестиционном соглашении и защищенное оговоркой о «переживании» прекращения, не может быть избирательно им отозвано, в связи с чем санкционное воздействие сосредотачивается на стадии исполнения. Показано, что запрет признания по признаку статуса взыскателя вводит не предусмотренное статьей V Нью-Йоркской конвенции 1958 г. основание отказа. Сделан вывод, что лишение инвестора права, подтвержденного арбитражным решением, может образовывать самостоятельную косвенную экспроприацию, отделимую от первичного блокирования активов.

Ключевые слова: ограничительные меры, санкции, международный инвестиционный арбитраж, двусторонние инвестиционные соглашения, признание и приведение в исполнение арбитражных решений, Нью-Йоркская конвенция, публичный порядок, косвенная экспроприация.

Для цитирования: Беляев И. Р. Иностранные ограничительные меры как препятствие исполнению арбитражного решения // Образование и право. 2026. № 10. С. 529–535.

BELYAEV Ilya Romanovich,
Postgraduate student of the Department of
Legal Regulation of Economic Activity,
Faculty of Law, Financial University under the
Government of the Russian Federation

FOREIGN RESTRICTIVE MEASURES AS AN OBSTACLE TO THE ENFORCEMENT OF ARBITRAL AWARDS

Annotation. The article examines the obstacles to the recognition and enforcement of investment arbitral awards involving Russian persons created by the restrictive measures of the European Union, primarily by paragraphs 2a and 2b of Article 11 and Articles 11e and 11f of EU Regulation No 833/2014. The author traces how the impact of sanctions is distributed across the stages of an investment dispute: consent to arbitration, the arbitral proceedings and the enforcement of the award. It is argued that the State's consent to arbitration, expressed in a bilateral investment treaty and protected by a survival clause, cannot be selectively withdrawn; the impact of sanctions is therefore concentrated at the enforcement stage. It is shown that a ban on recognition based on the status of the award creditor introduces a ground for refusal not provided for in Article V of the 1958 New York Convention. The author concludes that depriving an investor of a right confirmed by an arbitral award may constitute a separate indirect expropriation, severable from the initial freezing of assets.

Key words: *restrictive measure, sanctions, investment arbitration, bilateral investment treaties, recognition and enforcement of arbitral awards, New York Convention, public policy, indirect expropriation.*

For citation: *Belyaev I. R. Foreign restrictive measures as an obstacle to the enforcement of arbitral awards. Education and law. 2026;(10):529–535. (In Russ.).*

Введение

Начиная с февраля 2022 г. количество иностранных ограничительных мер, введенных в отношении Российской Федерации, ее юридических лиц и граждан, достигло рекордных значений – так, уже по состоянию на 8 марта 2022 года Россия стала мировым лидером по количеству введенных в отношении нее ограничительных мер. В свою очередь, лидером по введению указанных мер является Европейский союз – 23 июля 2026 года был введен уже 21-й по счету пакет ограничительных мер в отношении Российской Федерации.

Введение односторонних ограничительных мер привело к тому, что физические и юридические лица из тех государств, которые принимают такие меры, стали отказываться от исполнения договоров, ранее заключенных с российскими лицами. Как следствие, возросло количество судебных и арбитражных разбирательств по поводу нарушения таких договоров. Так, согласно статистике Гонконгского международного арбитражного центра, в 2025 году Россия оказалась среди десяти стран с наибольшим количеством лиц-участников в спорах, рассматриваемых указанным арбитражным учреждением, а в 2023 году – заняла седьмое место [7].

Ряд крупных арбитражных учреждений, например, Арбитражный институт при Стокгольмской торговой палате, Международный арбитражный суд при Международной торговой палате и Гонконгский международный арбитражный центр, декларировали свою готовность обеспечивать независимое и беспристрастное рассмотрение споров с участием лиц, подпадающих под односторонние ограничительные меры [8]. Тем не менее, подсанкционные лица зачастую сталкиваются с техническими препятствиями к участию в разбирательстве в иностранном форуме – испытывают сложности при найме консультантов, оплате арбитражного сбора и не могут физически присутствовать в месте проведения слушаний [1, с. 295]. Эти обстоятельства вынуждают лицо, желающее обратиться с иском или просьбой об арбитраже, искать возможность передать спор на рассмотрение иного форума.

Во-первых, подсанкционное лицо может обратиться в российский суд на основании статьи 248.1 АПК РФ. Она дает возможность российскому суду установить собственную компетенцию, если в отношении заявителя применяются односторон-

ние ограничительные меры, не позволяющие ему обратиться за защитой своих прав в тот форум, который согласован в договоре с контрагентом. Указанный механизм получил освещение в российской научной литературе [2].

Во-вторых, в ряде случаев подсанкционное лицо, чье право нарушено, может предъявить иск не к собственному контрагенту, а к самому государству, принявшему соответствующие ограничительные меры в одностороннем порядке. Такую возможность дает механизм международного инвестиционного арбитража, основанный на двусторонних инвестиционных соглашениях (далее – «ДИС») между государством происхождения инвестора и государством, получающим инвестиции (государство-реципиент). Для того, чтобы получить возможность обратиться в форум, согласованный в ДИС, подсанкционному лицу необходимо обосновать, что 1) оно может быть квалифицировано как инвестор в соответствии с ДИС (например, является юридическим лицом, зарегистрированным по праву стороны ДИС); 2) утраченное имущественное благо соответствует критериям инвестиции (капиталовложения), установленным в ДИС.

Для противодействия указанному способу защиты прав российских лиц Европейский союз в июле 2025 г. внес очередные поправки в собственный Регламент № 833/2014 (далее – «Регламент ЕС») – основной документ, содержащий секторальные ограничительные меры против Российской Федерации. Статья 11 Регламента ЕС, ранее содержавшая запрет удовлетворения исков подсанкционных лиц в судах стран ЕС, была дополнена пунктом 2а. Указанная норма Регламента ЕС запрещает признание и (или) приведение в исполнение в государствах – членах ЕС судебных актов и арбитражных решений, если они:

1) вынесены в разбирательствах за пределами государств-членов во исполнение или на основании разбирательств по урегулированию споров между инвестором и государством, возбужденных против государства-члена;

2) способны повлечь удовлетворение требований, связанных с мерами, введенными данным Регламентом или Регламентом ЕС № 269/2014 (основным актом ЕС, содержащим персональные санкции);

3) предъявлены к признанию и (или) приведению в исполнение подсанкционным лицом.

Также в статью 11 был внесен пункт 2b, который распространяет аналогичный запрет на производные от соответствующих разбирательств меры содействия.

Дополнительно в рамках указанных мер в Регламент ЕС были внесены статьи 11e и 11f. Первая из них предусматривает, что государства-члены ЕС обязаны принимать надлежащие меры для взыскания с подсанкционных лиц прямого и косвенного ущерба, включая судебные расходы, возникшего вследствие разбирательств по урегулированию споров между инвестором и государством, возбужденных против государства-члена в связи с односторонними ограничительными мерами. Причем взыскание осуществляется в судебном порядке в компетентных судах самих государств-членов. Аналогичное право на взыскание понесенного ущерба на тех же условиях предоставлено самому Европейскому союзу. В свою очередь, статья 11f возлагает на государства-члены обязанность заявлять все доступные возражения против признания и приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных против них в разбирательствах по урегулированию споров между инвестором и государством по поводу ограничительных мер.

Таким образом, Европейский союз принял всесторонние меры в отношении потенциальных арбитражных решений против собственных членов, устранив их исполнимость на собственной территории. Основной научной проблемой является правовая природа такого препятствия и совместимость этих ограничений с обязательствами государств – членов ЕС: обязанностью признавать и приводить в исполнение арбитражные решения (статья III Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., «Нью-Йоркская конвенция») и положениями ДИС об окончательности и обязательности решений, вынесенных в инвестиционном арбитраже.

Цель, задачи, гипотеза и методы исследования

Цель настоящей статьи – определить правовую природу препятствий исполнению арбитражных решений по инвестиционным спорам, созданных ограничительными мерами ЕС, и оценить их совместимость с международно-правовыми обязательствами государств – членов ЕС. Для ее достижения поставлены задачи: 1) проанализировать, как санкционное воздействие распределяется по стадиям разрешения инвестиционного спора – от согласия на арбитраж до исполнения решения; 2) соотнести запрет признания, установленный пунктом 2a статьи 11 Регламента ЕС, с основаниями отказа, предусмотренными статьей

V Нью-Йоркской конвенции; 3) установить, может ли отказ в признании арбитражного решения быть квалифицирован как самостоятельный акт косвенной экспроприации.

Нами выдвигается гипотеза, согласно которой ограничение права на судебную защиту в инвестиционном арбитраже смещается к стадии исполнения арбитражного решения. Согласие государства на передачу инвестиционного спора международному арбитражу выражено заблаговременно и содержится в уже заключённом двустороннем инвестиционном соглашении. Это согласие имеет характер оферты, обращённой к неопределённому кругу инвесторов и акцептуемой самим фактом инициирования разбирательства. Избирательно отозвать это согласие – в отношении инвесторов одного государства – принимающая сторона не может, не допустив нарушения действующего ДИС. Вследствие этого санкционное воздействие переносится на другую стадию – признание и приведение решения в исполнение. На этом этапе инвестор, реализовавший предоставленное договором право на нейтральный форум и добившийся решения в свою пользу, лишается его экономической ценности. Если наше предположение верно, санкционное препятствие исполнению подлежит оценке не как процессуальное затруднение, а как вмешательство материально-правового свойства. Это означает, что «вторичное» лишение инвестора подтверждённого арбитражным решением имущественного права, юридически отделимое от «первичного» блокирования его активов, является отдельным актом экспроприации и порождает самостоятельное основание международной ответственности государства.

Для решения поставленных задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также гипотетико-дедуктивный метод, определивший логику изложения: выдвинутая гипотеза последовательно проверяется применительно к каждой стадии инвестиционного спора. Из частнонаучных методов применялись формально-юридический метод – при толковании положений регламентов ЕС № 833/2014 и № 269/2014, Нью-Йоркской конвенции, Вашингтонской конвенции 1965 г., Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и ДИС; метод анализа правоприменительной практики – при изучении решений инвестиционных трибуналов о косвенной экспроприации и об отказе в исполнении арбитражных решений; системный метод – при рассмотрении ограничительных мер ЕС как взаимосвязанной совокупности препятствий, действующих на разных стадиях спора.

Санкционное воздействие на стадиях согласия на арбитраж и арбитражного разби-

разбирательства

Исходной составляющей арбитражного разбирательства является достижение соглашения сторон о передаче потенциального спора на рассмотрение трибунала. В международном коммерческом арбитраже источником компетенции трибунала является арбитражное соглашение – как правило, в виде условия в договоре, реже – в виде отдельного документа. В свою очередь, в инвестиционном арбитраже согласие сторон формируется путем, с одной стороны, оферты от государства, содержащейся в ДИС, и, с другой стороны, акцепта этой оферты инвестором посредством инициирования разбирательства [3, para. 11–13; 4]. Это значит, что государство не может в одностороннем порядке отказаться от арбитража, не нарушив договор, который считается заключенным с момента акцепта.

Более того, до акцепта оферты инвестором государство уже является стороной иного обязательства, не являющегося гражданско-правовым – поскольку ДИС является международным договором, с момента его подписания государство является обязанным перед своим государством-контрагентом. При этом отказ от ДИС зачастую не позволит государству избежать статуса нарушителя – во многие ДИС внедрена оговорка о «переживании» прекращения (survival clause). Например, в ДИС между Россией и Венгрией 1995 года положение о праве инвестора передать спор в арбитраж находится в статье 8, при этом в пункте 3 статьи 12 указывается, что для инвестиций, которые осуществлены до прекращения действия ДИС, положения статей 1–11 будут оставаться в силе в течение пятнадцати лет после прекращения ДИС. Таким образом, государства ЕС ограничены в инструментах санкционного воздействия на компетенцию международного инвестиционно-го арбитража.

Следующая стадия разрешения инвестиционного спора – непосредственно само арбитражное разбирательство. Как указывалось выше в настоящей статье, на этом этапе ограничения имеют технический характер – присутствуют сложности с совершением платежей и трудности логистического характера. Отдельной проблемой является то, что арбитражные учреждения, уполномоченные администрировать спор согласно положениям ДИС, могут сами являться европейскими юридическими лицами. Примером является Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты, который является одним из доступных форумов в соответствии с упомянутым выше ДИС между Россией и Венгрией. Поскольку ограничительные меры ЕС являются обязательными для всех европейских лиц, Стокгольмская торговая палата отка-

жется принимать от подсанкционного лица уплату арбитражного сбора до тех пор, пока оно не получит соответствующее разрешение от компетентного санкционного органа Швеции. На практике это означает, что инвестор из России, включенный в санкционные списки ЕС, при обращении с иском против страны-члена ЕС может быть лишен властями другой страны-члена ЕС возможности уплатить арбитражный сбор, что может свидетельствовать о конфликте интересов.

В таком случае инвестору остается обращаться в альтернативный форум, если таковой предусмотрен применимым ДИС – как правило, это Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) либо арбитраж ad hoc по Арбитражному регламенту Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Выбор альтернативного форума для российского инвестора, впрочем, ограничен. Российская Федерация подписала, но не ратифицировала Вашингтонскую конвенцию 1965 года, поэтому арбитраж в МЦУИС по правилам этой конвенции ему недоступен – за исключением дополнительной процедуры, если её допускает применимое ДИС.

Этим подтверждается выдвинутая ранее гипотеза. Препятствия на стадии разбирательства носят технический характер и преодолимы выбором форума, тогда как препятствие на стадии исполнения нормативно и выбором форума не преодолевается. Именно на эту стадию направлены рассмотренные выше пункты 2a и 2b статьи 11 и статьи 11e и 11f Регламента ЕС. А поскольку упрощенный механизм исполнения, предусмотренный статьями 53–55 Вашингтонской конвенции, российским лицам недоступен, исполнение решения подчиняется Нью-Йоркской конвенции, с которой названные нормы и вступают в коллизию, как рассмотрено ниже в настоящей статье.

Запрет признания и Нью-Йоркская конвенция

Нормативный запрет признания – последнее и наиболее радикальное из препятствий, с которыми сталкивается взыскатель. Ему предшествует ряд препятствий, существовавших и до 18-го пакета. Так, Регламент ЕС № 269/2014 запрещает прямо или косвенно предоставлять подсанкционным лицам денежные средства и экономические ресурсы – а значит, и производить исполнение по решению в их пользу. Соответственно, государство-член ЕС, даже признав решение, будет не вправе заплатить по нему без разрешения компетентного органа – то есть, по существу, без разрешения самого себя.

Показательно и распределение изъятий. Введенная в 2026 году в Регламент ЕС № 269/2014

статья 5с допускает разблокирование средств включённого в перечень лица по решению, вынесенному после его включения в санкционные списки, лишь если разбирательство инициировал сам этот субъект, и лишь в части арбитражных расходов в пользу стороны, не подпадающей под ограничения и не являющейся российским лицом. Ограничительный режим, таким образом, проницаем в одну сторону: проиграв спор, российский инвестор может возместить государству-члену ЕС расходы из замороженных средств; но выиграв его, не может получить присуждённое.

Статья III Нью-Йоркской конвенции (которая, как указано выше, будет применяться к решениям по инвестиционным спорам с российскими лицами) обязывает признавать арбитражные решения и приводить их в исполнение, а перечень оснований для отказа в статье V является исчерпывающим. Статья 11f Регламента ЕС, обязывая государства-члены заявлять все доступные возражения, по существу предписывает им ссылаться на публичный порядок (пункт 2(b) статьи V). Более того, в преамбуле вносящего изменения регламента запрет связан именно с публичным порядком.

Тем не менее, оговорка о публичном порядке предполагает оценку последствий признания конкретного решения, тогда как пункт 2а статьи 11 Регламента ЕС предreshает такой отказ заранее – по статусу истца и независимо от содержания решения. Представляется, что в таком случае это не применение конвенционного основания, а введение нового, что противоречит принципу *pacta sunt servanda* и запрету ссылаться на внутреннее право в оправдание неисполнения договора, как закреплено соответственно в ст. 26 и 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Отказ в признании арбитражного решения как косвенная экспроприация

Одним из предметов рассмотрения трибуналов по инвестиционным спорам является квалификация санкционной меры как экспроприации. Поскольку «заморозка» активов формально не лишает инвесторов титула в отношении их имущества, речь необходимо вести о косвенной экспроприации – то есть о мерах, равносильных экспроприации по своему экономическому эффекту. Признаки косвенной экспроприации практика инвестиционных трибуналов, по наблюдению С.В. Усоскина [5, с. 53–54], сводит к двум: к ответственности вмешательства – имущество может сохранять физическую целостность и при этом утратить для собственника экономический смысл (например, см. *Pope & Talbot Inc. v. The Government of Canada*), и к его продолжительности; например, в деле *Wena Hotels v. Egypt* (дело МЦУИС No.

ARB/98/4) для вывода об экспроприации оказалось достаточно годичного отстранения инвестора от управления гостиницами.

«Первичное» блокирование активов отвечает обоим признакам: включённое в перечень лицо не может ни распорядиться имуществом, поскольку любые операции с ним запрещены, ни пользоваться им, поскольку ему закрыт въезд, – и это положение сохраняется с 2022 года, а для части лиц с 2014 года.

Те же признаки применимы к вынесенному арбитражному решению. Определения капиталовложений в ДИС охватывают, как правило, и права требования по денежным средствам – например, см. ст. 1 Соглашения между Правительством СССР и Правительством Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 6 апреля 1989 года. Решение, подтверждающее такое право, «кристаллизует» это право и само становится защищаемым активом. Например, в деле *Saipem v. Bangladesh* (дело МЦУИС No. ARB/05/07) состав квалифицировал действия государственных судов, лишившие инвестора выгоды от арбитражного решения, как изъятие остаточных договорных прав, кристаллизованных в решении, то есть как экспроприацию. Отказ по пункту 2а статьи 11 Регламента ЕС отвечает обоим признакам: арбитражное решение утрачивает для взыскателя экономический смысл, а срок ограничения привязан к сроку действия санкций и заранее не определён.

Арбитражная практика выработала и ограничитель: отказ в исполнении арбитражного решения нарушает ДИС лишь тогда, когда он произволен, дискриминационен или недобросовестен [9; 10]. Как представляется, отказ по пункту 2а статьи 11 Регламента ЕС произволен, поскольку предreshён нормой и не зависит от сути решения; и дискриминационен, поскольку адресован категории инвесторов по признаку, не связанному с существом спора. О недобросовестности может свидетельствовать внутренняя противоречивость самого Регламента ЕС: его статья 11b предлагает лицам ЕС взыскивать убытки с тех, кто, по мнению ЕС, «извлёк выгоду» из российских механизмов временного управления иностранными активами, если соответствующий акт с точки зрения ЕС «незаконен в соответствии с... ДИС между государством-членом и Россией». Один и тот же акт, таким образом, предполагает неравный подход, поскольку, с одной стороны, опирается на ДИС как на источник притязаний европейских лиц, а с другой стороны, лишает российских инвесторов возможности реализовать свои права из тех же соглашений.

Следовательно, «вторичное» лишение инвестора подтверждённого решением права имеет признаки самостоятельной косвенной экспроприации, отделимой от «первичного» блокирования активов, и может порождать самостоятельное основание ответственности государства.

Для инвестора, получившего решение против государства – члена ЕС, практическое значение имеют два направления. Первое – исполнение за пределами ЕС. Во множестве юрисдикций применение ограничительных мер само по себе не является для национальных судов поводом отказывать в признании и приведении в исполнение арбитражных и судебных решений. Например, существует практика судов США и Швейцарии 2010-х годов по признанию и приведению в исполнение решений международных коммерческих арбитражей в пользу лиц из Ирана, несмотря на действие санкций в отношении этой страны [6]. Второе направление – самостоятельное требование к государству, отказавшему в признании, из «вторичной» экспроприации по модели дела *Saipem v. Bangladesh*.

Заключение

Проведённый анализ подтверждает выдвинутую гипотезу. Согласие государств – членов ЕС на инвестиционный арбитраж зафиксировано в ДИС и защищено оговорками о переживании прекращения, а препятствия на стадии разбирательства преодолимы выбором форума, поэтому санкционное воздействие сосредоточено на стадии исполнения. Уточнения гипотеза потребовала в одном: эта стадия – не единственное, а решающее место такого воздействия, поскольку ограничения сохраняются и в ходе разбирательства.

Запрет признания по пункту 2а статьи 11 Регламента ЕС венчает цепь препятствий, которая начинается с запрета выплачивать присуждённое без разрешения самого государства-должника. Лишение инвестора права, подтверждённого арбитражным решением, потенциально отвечает признакам косвенной экспроприации. Также этот запрет вводит отсутствующее в статье V Нью-Йоркской конвенции основание отказа и может вступать в противоречие с её статьей III, что ведёт к ослаблению универсальности международного арбитража.

Список литературы:

- [1] Нальгиев, А. М., Блат, М. П. Место арбитража стало местом санкций: допустимость «адаптации» условия о месте арбитража в свете анти-российских ограничительных мер / А. М. Нальгиев, М. П. Блат непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 6. – С. 295–319.
- [2] Ярков, В. В. Исключительная компетенция

российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ / В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 1. – С. 133–146.

[3] *Law and Practice of International Commercial Arbitration* / A. Redfern, M. Hunter, N. Blackaby, C. Partasides. – 4th ed. – London : Sweet & Maxwell, 2004. – 659 p.

[4] Paulsson, J. *Arbitration Without Privity* / J. Paulsson // *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. – 1995. – Vol. 10, No. 2. – P. 232–257.

[5] Усоскин, С. В. Определение косвенной экспроприации в практике арбитражей по договорам о поощрении капиталовложений / С. В. Усоскин // Закон. – 2011. – № 1. – С. 52–58.

[6] Лавров, А. Д. Влияние санкций на режим инвестиционного арбитража / А. Д. Лавров // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 2. – С. 99–108.

[7] Statistics // Сайт Гонконгского международного арбитражного центра (HKIAC). URL: <https://hkiac.org/about-us/statistics/>.

[8] Sanctions // Сайт Арбитражного института при Стокгольмской торговой палате. URL: <https://sccarbitrationinstitute.se/en/> (дата обращения: 19.09.2026). (дата обращения: 19.09.2026).

[9] *Frontier Petroleum Services Ltd. v. The Czech Republic* // *Italaw*. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/517> (дата обращения: 19.09.2026).

[10] *GEA Group Aktiengesellschaft v. Ukraine* // *JURIS Arbitration Law*. URL: <https://arbitrationlaw.com/library/gea-group-aktiengesellschaft-v-ukraine-icsid-case-no-arb0816-germanyukraine-bit-award> (дата обращения: 19.09.2026).

References:

[1] Nalgiev, A. M., Blat, M. P. *The Seat of Arbitration Has Become a Site of Sanctions: Admissibility of “Adapting” the Clause on the Seat of Arbitration in Light of Anti-Russian Restrictive Measures* / A. M. Nalgiev, M. P. Blat // *Herald of Civil Procedure*. – 2024. – No. 6. – pp. 295–319.

[2] Yarkov, V. V. *Exclusive Jurisdiction of Russian Courts Under Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation* / V. V. Yarkov // *Herald of Civil Procedure*. – 2025. – No. 1. – pp. 133–146.

[3] *Law and Practice of International Commercial Arbitration* / A. Redfern, M. Hunter, N. Blackaby, C. Partasides. – 4th ed. – London: Sweet & Maxwell, 2004. – 659 p.

[4] Paulsson, J. *Arbitration Without Privity* / J. Paulsson // *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. – 1995. – Vol. 10, No. 2. – pp. 232–257.

[5] Usoskin, S. V. *Defining Indirect Expropriation in the Practice of Arbitral Tribunals Under Investment*

Promotion Treaties / S. V. Usoskin // *Zakon*. – 2011. – No. 1. – pp. 52–58.

[6] Lavrov, A. D. The Impact of Sanctions on the Regime of Investment Arbitration / A. D. Lavrov // *Herald of Arbitration Practice*. – 2025. – No. 2. – pp. 99–108.

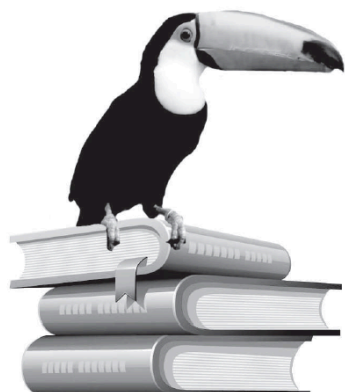
[7] Statistics // Website of the Hong Kong International Arbitration Centre (HKIAC). URL: <https://hkiac.org/about-us/statistics/>.

[8] Sanctions // Website of the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce

(SCC). URL: <https://sccarbitrationinstitute.se/en/> (accessed: 19.09.2026).

[9] Frontier Petroleum Services Ltd. v. The Czech Republic // *Italaw*. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/517> (accessed: 19.09.2026).

[10] GEA Group Aktiengesellschaft v. Ukraine // *JURIS Arbitration Law*. URL: <https://arbitrationlaw.com/library/gea-group-aktiengesellschaft-v-ukraine-icsid-case-no-arb0816-germanyukraine-bit-award> (accessed: 19.09.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.